

Танец о любви

“седьмого числа седьмого месяца”

В ЯПОНИИ нет давних традиций классического балета. Японцы влюбились в этот вид искусства недавно, но страстно: по стране открываются театры и школы, японцы учатся по всему свету, включая и нашу Академию русского балета имени А.Я.Вагановой, они непременно участники международных конкурсов, где нередко занимают призовые места. Поэтому понятен интерес, вызванный гастролью на сцене Александрийского театра японской труппы под французским названием “Шамбр Вест” (что означает “Западная комната”), показавшей балет “Небесная поэма” на музыку Масахиро Исидзимы в постановке Хироаки Имамуры и Юрико Кавагучи. Они же танцевали главные партии.

Смена. Сезон. 2000
N 193 с. 4

СПЕКТАКЛЬ свидетельствует, что его создатели на “отлично” изучили историю и хореографию европейского балета. Здесь можно увидеть все: от “Жизели” до “Родных полей”. То появляется финальная поза адажио из “Лебединого озера”, то герой, встав на колено, укутывает избранницу газовым шарфом - точно как в “Сильфиде”. Чувства влюбленных передает прямая цитата из сцены бала в “Ромео и Джульетте” Леонида Лавровского. Широкий диапазон и кордебалетных сцен - от виллис из “Жизели” до танцев курдов из “Гаянэ”. Не забыта и старинная пантомима. Закрученные руками “баранчики” над головой означают приказ танцевать, а ручки, прижатые к левой груди, - “я его люблю”.

Длинняющая первая картина посвящена деревенскому празднику. Массовые танцы бесконечны, но не балуют разнообразием. Порывисто распахнутые вверх руки мужчин говорят об их удали и силе. Грაციозно загнутые кисти рук девушек в позиции “Гюльчатай, открой личико” намекают на целомудренную чистоту и нежность. Больше же ничего из этого высмотреть невозможно.

Сюжет прост, да, как говорится, неоднозначен. История рассказывает о деревенском парне Хакуби (Хироаки Имамура), полюбившем Небесную царевну (Юрико Кавагучи) и отправившемся за ней на небо. Небесный царь (его партия выдержана в строгой пантомиме) не возражает против свадьбы, но подвергает жениха испытаниям. Легенда, ничего не поделаешь. Когда бедняга не может выстрелить из лука, это понятно: не хватает сил.

Следующее задание: узнать возлюбленную среди пятерки одинаково одетых фей. И что мешает ему это сделать, кроме унылых, однообразных движений танцовщиц? Почему избранница не подает ему знака, хотя тоже влюблена? Такого вопроса не возникает в “Лебедином озере”, когда Дезире обманывается Одиллией, потому что Петипа показывает магические чары хореографическими средствами, отдавая Одиллии тему Одетты.

Это понимают даже самые неискушенные зрители. В “Небесной поэме” влюбленного вводят в обман только похожие костюмы. Конечно, по одежке встречают, да только такая коллизия не срабатывает в балете.

Дальше еще интереснее. Влюбленные разлучены. Их слезы превращаются в звезды. Увидев это, Небесный царь (Тадасигэ Екояма) смягчается и разрешает им встречаться раз в году - седьмого числа седьмого месяца. Так написано в программе, но как покажут это на сцене? Календарь, что ли, вынесут?

Слезы изображала спущенная с колосников паутинка. Потом на заднике вспыхнули разноцветные лампочки-звезды, и зрители почтенно-то заплескивали. На Невском такой иллюминации, особенно под Рождество, сколько хочешь, да никто в овациях не бьется.

Затем вышли герои. Хакуби сменил рваненький крестьянский кафтан на традиционный камзол принца. Влюбленные еще немного потанцевали и наконец застыли в победной финальной позе на фоне рождественских огоньков. Восторжествовала любовь.

Нарру end? Именно так и подумали зрители, у которых не было программки (она раздавалась бесплатно и досталась не всем). А те, кто читал либретто, приготовились сочувствовать несчастным героям и искали на сцене хоть каких-нибудь признаков роковой даты - “седьмого числа седьмого месяца”. Впрочем, они тоже порадовались, что все закончилось хорошо.

Лариса АБЫЗОВА